

Научная статья
УДК 316.776.33
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.1>

Феномен одиночества: амбивалентность развития и социальные поля

Эка Демуриевна Коркия

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
ekakorkiya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3136-8433>

Аннотация. В статье постулируется, что одиночество является сложным и противоречивым феноменом и мы не должны забывать о его двойственной социальной природе. Одиночество может выступать детерминантой деформированного развития, при котором процесс социализации нарушается, замедляется становление различных слоев мотивационной сферы личности, ухудшается восприятие человеком самого себя и мира. Однако одиночество может и нести возможность глубокого духовного развития. Будучи узловым пунктом неудовлетворенности собой и своей позицией, оно может послужить стимулом для развития внутренней рефлексии человека, для размышлений о наиболее важных смыслах, жизненных проблемах, что ведет к поиску себя и своего места в жизни. Именно это состояние экзистенциального вакуума заставляет человека усердно работать над собой и ситуацией, помогая раскрыть собственные ресурсы. Тогда одиночество с его разрушительным содержанием становится одиночеством, несущим позитивный потенциал развития личности. Данный аспект должен выступить основой для разработки социальных программ, которые позволят решить проблему одиночества с пользой как для человека, так и для общества в целом.

Ключевые слова: глобализационные процессы, духовное развитие, коммуникационный ориентир, личность, мотивация, «одиночество в толпе», саморефлексия, социальное одиночество, реальная действительность, человек

Для цитирования: Коркия Э.Д. Феномен одиночества: амбивалентность развития и социальные поля // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10. С. 13–17. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.1>.

Original article

The phenomenon of loneliness: ambivalence of development and social fields

Eka D. Korkiya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
ekakorkiya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3136-8433>

Abstract. This article states that loneliness is a complex and contradictory phenomenon, and we should not forget about its dual nature. Loneliness can act as a determinant of deformed development, in which the process of socialization is disturbed, the formation of various layers of motivational sphere of the individual slows down, a person's perception of himself and the world worsens. But loneliness can also bring the possibility of deep spiritual development of the individual. Being a focal point of dissatisfaction with oneself and one's position, it can become a stimulus for the development of a person's internal reflection, for thinking about the most important meanings, life problems, which leads to the search for oneself and one's place in life. It is such a state of existential vacuum that makes a person work hard on himself and the situation, helping to reveal his own development resources. And then loneliness with its destructive content becomes loneliness carrying a positive potential for personality's development. It is such an aspect that should become the basis for the development of social programs that will solve the problem of loneliness with the benefit of both the individual and society.

Keywords: globalization processes, spiritual development, communication landmark, personality, motivation, "loneliness in the crowd", self-reflection, social loneliness, reality, man

For citation: Korkiya E.D. The phenomenon of loneliness: ambivalence of development and social fields // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 10. P. 13–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.1>.

Практика общественного бытия показывает, что политические победы и экономические достижения – категории преходящие и относительные, а человек, его духовный мир, ценности его души – вечные, бессмертные. Человек выступает носителем тех глубинных и вечных ценностных установок, которые формируют основы общественного развития, обеспечивают воспроизводство культурных традиций и наследия социального бытия. Эти устои, традиции возникают в процессе общественной деятельности, являются результатом культурной синергии, взаимодействия и со-

трудничества и транслируются от одного поколения к другому. Сегодня проблематика социального бытия и формирования новых культурных установок в условиях современных глобализационных процессов и парадигмального перехода представляет особый интерес именно в контексте социализации человека, трансформации его ценностных установок, которые находятся под мощнейшим воздействием критически важных социокультурных изменений [1, с. 32]. Традиционные ценности, духовность и нравственность, устремления и чувства, радости и тревоги, обеспечивающие вектор личного развития, претерпевают кардинальные модификации, переходя в качественно новые формы. Одним из аспектов таких изменений стало явление одиночества.

Одиночество – это феномен, имеющий историческую природу и позиционируемый с точки зрения совокупности социально-психологических ориентаций человеческого бытия. Данное явление выступает антиподом тех объективно-субъективных социальных установок, которые обеспечили развитие человека и общества, – межличностных отношений, социальных коммуникаций, чувств и восприятий окружающего мира, ощущаемых только в контексте социокультурного взаимодействия. Еще Аристотель отмечал, что изолированность от социума делает человека или богом, или зверем, ставит его за гранью общества, вводя в состояние драматичной атомарности, обусловленной переживаниями и переосмыслениями своего места и роли в мире [2]. Эти переживания и переосмысления связаны с такими явлениями психики, как эгоцентризм, отчуждение, изолированность, т. е. аспектами человеческой индивидуальности, лежащими в плоскости противопоставления себя обществу. Социум и его проблемы в подобном состоянии уже не только не воспринимаются человеком как интуитивная ясность и социальная рефлексия, они становятся чуждыми и отражают рефлексивный разлад индивида как с самим собой, так и с миром других людей, вбирая весь комплекс противоречий внутреннего и внешнего характера.

Сегодня проблематика одиночества имеет значительную актуальность. Тенденции глобальных трансформаций определили динамичные реконструкции коммуникационных ориентиров, в рамках которых в традиционном обществе обеспечивалось культурное и социальное воспроизводство [3]. Современные коммуникации, прежде всего глобальная сеть Интернет, приобретая планетарные масштабы, позволили человеку получать большие объемы информации, расширили возможности межличностного общения практически до бесконечности. Вместе с тем именно коммуникационные ресурсы социума обострили вопросы понимания и самоидентификации индивида, раздвинув рамки тех форм социального бытия, в которых формируются предпосылки одиночества [4]. Прежде всего мы говорим о трудностях актуализации реального вхождения в социум через осмысление политических, экономических, культурных и прочих факторов, продуцирующих понимание самого себя как элемента социальной инфраструктуры. Традиционные формы социализации, в чьих рамках под влиянием культуры, норм и установок социальных структур происходили изменения поведения, стиля и иных форм индивидуального самовыражения, которые обеспечивали приспособление к стандартам общества, социальную самоидентификацию человека, сменили рационализированные формы обмена информацией, унифицированные нормы массовой культуры, вытеснившие эмоциональный аспект взаимодействия, духовно-душевные и нравственные процессы коммуникации, выступающие основой идентичности каждого. Обезличенность Интернета, стремительность трансформаций реального мира привносят в личностный мир такой объем разномасштабных данных, что человек теряет Идею бытия этого мира и теряется в нем сам. «Одиночество в толпе» – феномен, который сегодня обозначен (и справедливо) как социальное бедствие [5, с. 114–118].

Актуальность проблематики одиночества в качестве социального феномена как в историческом контексте, так и в современном с учетом аспектов и факторов социальных трансформаций определяет потребность в комплексном анализе данного концепта.

Проблематика одиночества в современном обществе наиболее остро актуализируется в городской среде. Это обусловлено факторами социальной реальности, вызывающими негативные последствия. Среди них можно назвать урбанизацию и глобализацию социума, нарушение коммуникационного взаимодействия, низкий уровень самоидентификации личности, высокие предпосылки для социального одиночества [6]. Разработка теоретико-методологических методов комплексного изучения тематики одиночества, проведение широкомасштабных исследований в разноуровневых группах и всесторонний анализ выявленных факторов одиночества предполагают подготовку социальных программ, направленных на решение вопросов одиночества в различных социальных группах.

Тема одиночества как отдельный лейтмотив философствования возникает еще в европейской философской культуре с эпохи Нового времени, когда происходит разрушение переживания онтологичности трансцендентного, которое было характерно для Средневековья и Возрождения, и человек начинает чувствовать себя бездомным в бесконечной Вселенной. Этот процесс был ярко отражен в творчестве Б. Паскаля.

Рассмотрение феномена одиночества радикально противоречит установкам философии Нового времени, модерна. Именно поэтому Б. Паскаль вступает в оппозицию философии своего

времени, становясь удивительно одиноким как философ. Продолжение его дискурса во всей его трагической глубине мы встречаем только на рубеже XVIII и XIX вв.

Б. Паскаль был одним из первых мыслителей в новоевропейской культуре, кто почувствовал одиночество своего современника. С трагической ясностью он увидел пределы гносеологического оптимизма, ему открылось, что человек Нового времени, увлекавшийся теоретическим познанием и эмпирическими доказательствами, открывший пространственную бесконечность Вселенной, перед лицом этой Вселенной предстал всего лишь «мыслящим тростником» [7, с. 120].

Теоретико-эмпирическое познание встало между человеком и Богом. Именно это, по мнению Б. Паскаля, является фундаментальной причиной одиночества, незащищенности, заброшенности человека. Восстание против Бога, жизнь без Бога в сердце делает его маленьким под звездной бездной мира. В труде «Мысли» Б. Паскаль отмечает: «Ничто так не обличает крайнюю слабость духа, как незнание того, что человек без Бога несчастлив... <...> ...Есть только два рода людей, которых можно назвать разумными: те, кто служат всей душой Богу, потому что Его знают, и те, кто ищут Его всей душой, потому что не знают Его» [8, с. 194].

Итак, только идея Бога может освободить человека от фундаментального одиночества перед лицом бесконечного пространства Вселенной. Из этого следует, что Б. Паскаль считает неверующего человека не грешным, а несчастным. С идеей Бога для мыслителя связана идея собственного бессмертия. Человек, не верящий в Бога, лишает себя надежды на бессмертие, а следовательно, становится одиноким не только в стихии пространства, но и в стихии времени. Философ так проясняет значение веры в бессмертие для человека: в зависимости от того, верим мы или нет в вечную жизнь, и поступки наши будут умными или глупыми. Всякий разумный поступок непременно базируется на уверенности в бессмертии истинной жизни [9, с. 191].

Именно поэтому Б. Паскаль не может понять человеческого равнодушия в вопросах о смысле жизни и смерти. Его уединение в мире обычных людей является результатом их непостижимого безразличия, равнодушия к самому себе: «Такое легкомыслие в деле, где речь идет о них самих, об их бессмертии, обо всем их существовании, вызывает у меня больше возмущения, чем жалости; оно изумляет меня и пугает» [10, с. 191].

Одиночество порождается вопросом. Однако сомнение и отталкивает Б. Паскаля, и притягивает его. Хотя «жить в сомнении о смысле жизни» значит быть несчастным, вся логика творчества мыслителя свидетельствует, что требуется раскрыть экзистенциальное содержание этого сомнения. Ведь именно сомнение может привести человека к настоящей, своей вере. Поэтому деструктивным является не вопрос как таковой, а замкнутость в сомнении. Так следует понимать слова философа: «Несомненно, испытывать такие сомнения – большое несчастье; но коль такие сомнения есть, то непреложный долг состоит по меньшей мере в поисках; а тот, кто сомневается и не ищет, тот одновременно и очень несчастен, и очень греховен. А если он при этом спокоен и доволен собой, если он на том стоит, наконец, если это ему в радость и в похвальбу, то я не нахожу слов для определения такого безумца» [11, с. 192].

Замкнутость в сомнении относительно смысла собственной жизни парадоксально приводит индивида к отсутствию сомнения в качестве источника саморефлексии. Такая замкнутость порождает отсутствие желания понять свое место в мире. Это вызывает к жизни сокрывенное одиночество человека, который не хочет знать о смысле, своем значении в бытии. Б. Паскаль разворачивает печальную историю жизни человека, который переживает в мире, оживает в нем, но не стремится экзистенциально пережить его, включить в себя. Он не желает раскрыть для себя мир, следовательно, не может сделать его осмысленным миром собственного бытия, не может и не желает сказать, что такое его тело, его чувства, его душа, почему она находится именно здесь и сейчас. Он не хочет этого, потому что боится потерять безличную и привычную гармонию обыденности. Однако пребывание в этой гармонии приносит дисгармонию одиночества, вырастающую из случайности его конечного бытия в бесконечной Вселенной. Б. Паскаль так описывает чувство одиночества подобного человека: «Повсюду я вижу только бесконечность, объемлющую меня как атом, как тень, которая существует лишь на один безвозвратный миг» [12, с. 192].

Такой индивид убегает от свободы постижения мира, который открывается ему как тайно-враждебный, чужой: «Я заключаю, что должен прожить все свои дни, не помышляя искать ответа о том, что со мною случится. Быть может, какой-то ответ сыскался бы в моих сомнениях; но я не желаю прилагать к тому усилий... и, презирая тех, кто над этим бьется... я хочу пойти беззаботно и бесстрашно навстречу такому великому событию и не противясь дам подвести себя к смерти, так и не зная ничего о моем будущем вечном уделе» [13, с. 192].

С удивлением Б. Паскаль прислушивается к подобным людям. Ему странно, что они при этом продолжают активно заниматься будничными делами, бороться за место под солнцем, суетиться и хлопотать в пределах быта: «И если находятся люди, равнодушные к собственной гибели и угрозе вечных мучений, – это противно природе. Они ведут себя совсем иначе по отношению к

другим опасностям: они боятся даже малейших из них, предвидят их, обдумывают... Чудовищно видеть в одном и том же сердце, в одно и то же время, такую чувствительность к пустякам и такую странную бесчувственность к самому важному» [14, с. 193]. Рассуждая о таком человеческом бытии в мире, Б. Паскаль от удивления приходит к ужасу. Это бытие кажется ему нечеловеческим, губительным. И то, что люди пока продолжают жить в одиночестве – отчуждении от себя и других и не уничтожают себя и других, он объясняет фундаментальным влиянием христианских идей и прежде всего образа Христа: «Без И. Х. человек должен пребывать в пороке и несчастье. С И. Х. человек избавлен от порока и несчастья. В Нем вся наша добродетель и все наше блаженство. Вне Его только порок, несчастье, заблуждение, мрак, смерть, отчаяние» [15, с. 184–185].

Однако характерно то, что Б. Паскаль не принимает на себя роль «добротного пастыря», не говорит, что познал Бога и Истину и хочет помочь тем, кто заблудился в сумерках бытия, сбился с дороги, а потому и стал одиноким. Нет, он сам переживает одиночество и замкнутость. Его охватывает ужас перед бесконечностью космического пространства с его бесчисленными звездами. То же звездное небо, которое созерцал И. Кант с удивлением и радостью, пугает Б. Паскаля.

В этом ужасе – приговор эпохе, которая ищет эмпирические доказательства трансцендентного и презирает сердечные переживания. Этот ужас является закономерным результатом одиночества человека, больше не тяготеет к трансцендентному. Хотя в бытии самого Б. Паскаля является выраженная «воля к трансцендентному», вера в его бытийное могущество, он поместил и сконцентрировал в себе и переживания своих оппонентов [16, с. 125–128], а потому смог посмотреть в будущее и выразить столько современных и болезненно актуальных для XX в. мыслей.

Теоретико-методологической основой изучения представленной проблематики послужили фундаментальные положения классической философии относительно социализации личности; концепции экзистенциализма и трансцендентализма; социально-психологические концепции; положения о личности как об активном субъекте деятельности; континуально-иерархический подход к исследованию структуры личности и ее свойств; концепции личностного изменения и самоизменения. Использование этих концептуальных положений в качестве исходных позволило обеспечить преимущества, детерминированные эффектом взаимодополнения различных теорий для сохранения целостности избранной научной гипотезы и логикой реализации алгоритма достижения стратегической цели данной тематики.

В целом при изучении феномена одиночества экзистенции актуализируют смысл одиночества в человеческом бытии и определяют границы социальных полей. Исследование явления одиночества – это стремление не только оценить его при помощи социологических категорий, но и подчеркнуть его амбивалентность в социокультурном пространстве [17, с. 37].

Обобщая изложенное, можно утверждать, что суть феномена одиночества не имеет единой трактовки, поскольку меняются условия и причины его возникновения у индивидов, разные исторические события, влияющие на социальную жизнь, также отражаются на понимании и восприятии рассматриваемого явления. Кроме того, важно отметить, что возникновение изучаемого феномена определяется множеством факторов, но одними из ключевых выступают трансформации в социальной жизни в различные периоды исторического развития общества, которые трансформируют восприятие индивидом не только окружающего мира, но и самого себя. Так, в процессе «улучшения» социальной жизни при постоянном контроле происходит обмен независимости и свободы человека на материальные блага современного общества, иллюзорный комфорт.

Список источников:

1. Мазуренко Е.А. Одиночество как феномен индивидуальной и социальной жизни : дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2006. 186 с.
2. Moustakas С.Е. Loneliness and Love. Englewood Cliffs, 1974. 146 p.
3. Мазуренко Е.А. Указ. соч.
4. Коркия Э.Д. К вопросу о смысле одиночества: генезис научной мысли // Теория и практика общественного развития. 2021. № 3 (157). С. 35–39. <https://doi.org/10.24158/tpor.2021.3.5>.
5. Вейс Р.С. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества : пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М., 1989. С. 114–128.
6. Коркия Э.Д. Одиночество как предмет социокультурологического исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-1. С. 38–40. <https://doi.org/10.23672/11142-1217-9355-q>.
7. Вейс Р.С. Указ. соч. С. 120.
8. Паскаль Б. Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю.А. Гинзбург. М., 1995. 480 с.
9. Там же. С. 191.
10. Там же.
11. Там же. С. 192.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же. С. 193.
15. Там же. 184–185. С. 184–185.

16. Вейс Р.С. Указ. соч. С. 125–128.

17. Рогова Е.Е. Категория одиночества с позиций социальной философии // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 32–39.

Информация об авторе

Э.Д. Коркия – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=807461.

Information about the author

E.D. Korkiya – PhD in Social Science, Associate Professor, Department of the Subdepartment of Sociology of Communication Systems, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=807461.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.08.2021;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.09.2021;

Принята к публикации / Accepted for publication 07.10.2021.